

вяжется с находками среди салтово-маяцких древностей виноградных ножей⁴⁰ и в целом с более степным обликом всей культуры и окружающей ее природы⁴¹. Правда, в этой связи несколько диссонансом звучит сообщение письменных источников, в частности Ибн Русте и Гардизи, о наличии у буртасов верблюдов⁴², но данное сообщение скорее указывает на традиции восточного заволжско-приаральского происхождения буртасов, на что в свое время обратил внимание еще И. Н. Смирнов. По его мнению, в XIX в. основным районом верблюдоводства служили «уходящие в Среднюю Азию степи Самарской, Оренбургской и Астраханской губерний»⁴³. И опять показательно, что если буртасы письменных источников имели верблюдов, то у населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, т. е. у буртасов Г. Е. Афанасьева, «их не было совсем»⁴⁴.

Итак, приведенные материалы показывают, что попытка Г. Е. Афанасьева отождествить буртасов с носителями лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры не подтверждается ни письменными источниками, ни археологическими материалами. Поиски археологического обоснования отождествления буртасов с тем или иным этносом следует, очевидно, искать в другом направлении, о чем уже мне неоднократно приходилось писать⁴⁵. Однако, это тема специальной статьи.

⁴⁰ Степи Евразии..., с. 72; Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА, № 142. М., 1967, с. 147. В последней книге отмечается характерность для населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры виноградников, которые тянулись «по берегам Дона, где сейчас находятся крупнейшие виноградники нашей страны» (с. 147).

⁴¹ Плетнева С. А. Указ. раб.

⁴² Хвольсон Д. А. Указ. раб., с. 21.

⁴³ Смирнов И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895, с. 50.

⁴⁴ Плетнева С. А. Указ. раб., с. 148.

⁴⁵ Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Таткнигоиздат, 1978, с. 60—61; *его же*. Этапы этногенеза татар Среднего Поволжья и Приуралья.— В кн.: Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата: Наука, 1980, с. 374; *его же*. Раскопки Армиевского и Больше-Тиганского могильников.— В кн.: Археологические открытия 1981 г. М.: Наука, 1983, с. 177—178.

Г. Е. Афанасьев

БУРТАСЫ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ВАРИАНТ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

(ответ А. Х. Халикову)

В связи с публикацией письма А. Х. Халикова, в котором он полностью отрицает возможность идентификации народа *буртас*, известного по письменным источникам, с носителями лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (далее — СМК), мне хотелось бы рассмотреть систему использованных им аргументов.

Отстаивая волжскую локализацию буртасов, А. Х. Халиков ссылается на сообщение Гардизи: «Некоторые совершают путь из страны буртасов в страну хазар по р. Итилю на судне». Но это сообщение само по себе никоим образом не является свидетельством того, что буртасы жили на берегу Волги. Оно может означать, что буртасы жили в верховьях Дона, который восточными географами воспринимался как приток Волги. И такая локализация буртасов вполне согласуется с предложенным мною отождествлением р. Буртас с Доном¹. Водное путешествие из района распространения лесостепного варианта СМК по Дону, Осколу или Северскому Донцу в район Волго-Донской переправы и далее по Волге в ее низовья, где находилась хазарская столица, не представляет каких-либо затруднений. Этот путь, изображенный на карте Идриси, был хорошо известен и хазарам, и русам, и византийскому правительству².

¹ Афанасьев Г. Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII — начале X в.— Сов. этнография, 1984, № 4, с. 38, 39.

² Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453. L., 1971, p. 176; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1982, карта на с. 291.

Трудно согласиться с А. Х. Халиковым, что по «Худуд ал-Алем» «земля буртасов с востока ограничивается р. Атил». Предложенный перевод слишком вольный и меняет смысл текста. В действительности источник гласит: «К востоку от нее (страны б. радас. — Г. А.) — река Атил; к югу от нее — хазары...» — («East of it is the river Atil; south of it, the Khazars») ³. Таким образом, здесь речь идет не о том, что страна буртасов ограничивается с востока Волгой, а о том, что Волга находится к востоку от страны буртасов.

Пытаясь доказать, что упомянутая у Масуди, Димашки и Варди р. Буртас не может быть Доном, А. Х. Халиков использует следующее сообщение Масуди: «Эта река течет со стороны бургар, и суда непрерывно ходят по ней между землями бургар и хазар». Однако тот же Масуди в другой работе говорит о р. Буртас как о притоке Итиля между Хазарией и Хорезмом, по которой из одной страны в другую доставляются товары ⁴. Как видим, у Масуди не было ясного представления о том, как соотносится направление течения р. Буртас с соседними странами, и, следовательно, мы не можем отдавать предпочтение тому или иному варианту, а также исключать возможность других.

В связи с вопросом об отождествлении р. Буртас следует остановиться на позиции В. Ф. Минорского. А. Х. Халиков считает, что В. Ф. Минорский понимал под р. Буртас «главное течение Волги от района нынешнего Волгограда и ниже». В действительности это был один из возможных вариантов, которые допускал ученый (кстати, о Волгограде он не пишет) ⁵ наряду с другими, не упомянутыми А. Х. Халиковым — Окой и Доном, причем Дон, по мнению В. Ф. Минорского, воспринимался восточными географами как приток Волги ⁶. Все это убеждает нас в том, что при решении вопроса об отождествлении р. Буртас необходимо учитывать прежде всего сведения «Худуд ал-Алем» — источника, где, по словам Б. Н. Заходера, «среди очень старого, но темного и путаного материала мы находим совершенно неожиданно четкое определение границ буртасской земли» ⁷. А «Худуд ал-Алем» помещает буртасов к западу от Волги, что дает основание отождествлять р. Буртас с правым притоком Итиля — Доном.

Вероятность того, что страна буртасов располагалась западнее меридионального течения Волги, значительно увеличивается, если учесть сообщения о буртасах, содержащиеся в сочинении Ибн Абд ал-Мун'има ал-Химйири «Китаб ар-Рауд ал-Ми'тар». В данном случае для нас наиболее важны данные о городе Буртас, расположенном в непосредственной близости от страны русов ⁸. Если под страной русов IX в. понимать объединения полян, северян, древлян, дреговичей, полочан и, возможно, волынян ⁹, то восточная граница Руси, примыкавшая к буртасам, проходила в верховьях Северского Донца — Дона, т. е. рядом с территорией, занятой памятниками лесостепного варианта СМК. Следовательно, город Буртас мог находиться в зоне ближайшего соприкосновения памятников СМК с памятниками роменской и боршевской культур — в долине Северского Донца или Тихой Сосны.

Перейду к другому тезису А. Х. Халикова. Он упрекает меня в том, что я «почему-то совершенно не использую» «очень точную географическую локализацию буртасов по отношению к соседним синхронным народам», которую дают письменные источники. Если мой оппонент имеет в виду данные о расстояниях между землями буртасов, хазар и булгар, то, как уже говорилось, 150-летний период буртасской проблемы наглядно показал бесплодность попыток найти решение, отвечающее совокупности информации всех письменных источников с подобного рода сведениями ¹⁰. Путаница усиливается, если исходить из волжской локализации буртасов. Попытаемся показать это на конкретных примерах. За исходные возьмем данные, на которых основывается А. Х. Ха-

³ Minorsky V. Hudūd al-'Alam. The Regions of the World. 2 ed. L., 1970, p. 162.

⁴ Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX—X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. В. 38. Тифлис, 1908, с. 33, 34.

⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, с. 196, примеч. 27.

⁶ Minorsky V. Hudūd al-'Alam., p. 462.

⁷ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М.: Вост. лит., 1962, с. 237, 238.

⁸ Левицкий Т. «Китаб ар-Рауд ал-Ми'тар» Ибн Абд ал-Мун'има ал-Химйири (XV в.) как источник сведений о восточной, центральной и северной Европе. — Проблемы востоковедения, 1960, № 3, с. 135.

⁹ Рыбаков Б. А. Указ. раб., с. 234, карта на с. 291.

¹⁰ Афанасьев Г. Е. Указ. раб., с. 29.

ликов: 1) бургасы обитали на берегах Волги; 2) расстояние между бургасами и булгарами — 3 дня пути (Ибн Русте, Бакри); 3) протяженность страны бургасов: а) 17 дней пути (Ибн Русте), б) 45 дней пути (Бакри); 4) расстояние между бургасами и хазарами — 15 дней пути; 5) один день сухопутного пути равен 35 км. Если признать, что южная граница территории волжских булгар проходила в районе Самарской Луки, то страна бургасов должна начинаться у современного Хвалынского на Волге и простирается на 595 км (по Ибн Русте) вплоть до Каменного Яра на Волге. Следовательно, северная окраина хазарского домена находилась в низовьях Терека, р. Итиль и столица хазар Итиль были вне пределов страны. Еще более гигантские размеры принимает страна бургасов по данным Бакри: от Хвалынского на Волге до южных отрогов Главного Кавказского хребта на Каспийском побережье, а северная граница хазарского домена тогда должна была начинаться где-то в глубине Ирана. Нет необходимости доказывать невероятность таких локализаций, неизбежных, если последовательно придерживаться сведений о расстояниях, на которых настаивает А. Х. Халиков.

Мне представляется, что относительно реальная информация о расстояниях между бургасами и соседними народами содержится у авторов «Каспийского свода», где говорится: «...между бургасами и хазарами расстояние в 15 дней пути» (Ибн Русте, Бакри, Гардизи, Марвази, Идриси, Шукрулла, Химйири и др.). Действительно, если принимать за северную границу хазарского домена район Волго-Донской перекладины, как полагает большинство исследователей, то при 35-километровом дневном переходе расстояние от хазарской земли до южной границы страны бургасов (южной кромки лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья) можно покрыть за 10—12 дней, так как разделяющая эти народы дистанция была 350—400 км. И здесь нельзя не обратить внимания на допущенную А. Х. Халиковым неточность. Он пишет: «При размещении Г. Е. Афанасьевым бургасов в районе распространения лесостепного варианта салтовско-мазандарской культуры от бургасов до хазар (крепости Саркел — Белая Вежа) оказывается не более 100—150 км» (на самом деле в три раза больше).

Полемизируя со мной, А. Х. Халиков отстаивает старую точку зрения о тюркоязычности бургасов в VIII—X вв. Какова же весомость использованных доказательств?

Прежде всего, неверны ссылки А. Х. Халикова на сочинения Балхи и Йакута, которые якобы указывали на тюркоязычность бургасов. Известно, что труд Балхи до нас не дошел, и мы знаем о нем по компиляциям Истахри и Ибн Хаукала. Даже если Балхи действительно принадлежала информация о бургасах, о которой пишет Д. А. Хвольсон, то можно утверждать, что Балхи противопоставлял бургасов тюркским народам: «Язык болгар сходен с хазарским. Бургасы же говорят на языке различном (от языка двух упомянутых народов). Равным образом различается язык русов от языка хазар и бургас»¹¹. Трудно прийти к двум мнениям по вопросу об отношении Йакута к языку бургасов. Д. А. Хвольсон и О. И. Сенковский почти аналогично переводят этот отрывок: «Бургасы имеют свой собственный язык, отдельный и от турецкого, и от хазарского, и от болгарского»¹². Как видим, позиция Балхи и Йакута выражена вполне ясно: бургасский и тюркские языки различны.

Игнорируя сведения Балхи, Истахри, Ибн Хаукала об отличии языка бургасов от языка болгар и хазар (последние, как известно, относятся к болгарской группе западнохуннской ветви тюркских языков)¹³, информацию Йакута об отличии бургасского языка от тюркского, а также сообщение Химйири об отличии языка жителей города Бургас от языка хазар, А. Х. Халиков пытается решить этот вопрос на основе высказывания Масуди: «Бургас — тюркское племя». При этом мой оппонент ссылается на перевод «Мурудж ад-Дзахаб», сделанный В. Ф. Минорским, но почему-то умалчивает об отношении самого переводчика к данному сообщению о тюркоязычности бургасов, а оно довольно ясно выражено: «...вероятно, древняя мордва, жившая на запад от Волги»¹⁴. Вполне очевидно, что известный востоковед хорошо знал цену этнолингвистических характеристик народов у Масуди и не принимал их всерьез. Осторожно подходит к трактовке этого фрагмента и другой крупный ориенталист — Б. Н. Заходер. Понимая под бургасами многоязыковый племенной союз из нескольких этнических компо-

¹¹ Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста. СПб., 1869, с. 73.

¹² Там же, с. 76; Сенковский О. И. Бургасы. — Энциклопедический лексикон. Т. 7. СПб., 1836, с. 420.

¹³ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969, с. 233—238.

¹⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков, с. 196, сноска 29.

нентов, он допускал, что сообщение Масуди может свидетельствовать о наличии в составе этой общности прототюркских элементов¹⁵, но не более. Еще на заре российской арабистики, в начале XIX в., Х. Д. Френ доказал, что под «тюрками» арабские географы понимали население обширного региона, включавшего нетюркские народы. Термин *тюрк* был собирательным, аналогично термину *скифы* для римлян и греков (в частности, русы и мадьяры в некоторых арабских источниках также называются тюрками)¹⁶. Вот почему ориенталисты единодушны в критическом подходе к этническому показателю термина *тюрк* в восточных источниках, что совершенно не учитывает А. Х. Халиков.

В качестве доказательства тюркской принадлежности бургасов А. Х. Халиков приводит сообщение Исаака ибн ал-Хусейна: «...у них внешний вид и отдельные статьи подобны тюркам». В этой связи было бы естественным задать моему оппоненту вопрос: всегда ли можно по внешнему виду определить этническую принадлежность человека? Труд Исаака ибн ал-Хусейна «Китаб акам ал-марджан...» был впервые опубликован в итальянском переводе в 1929 г. профессором А. Кодатци, которая датировала его XI в. Некоторые детали текста позволили установить, что автор был родом из западной части исламского мира, скорее всего из Испании¹⁷. В 1937 г. В. Ф. Минорский подверг тщательному текстологическому анализу две части этой работы, посвященные землям хазар и тюрков. Исследователь установил, что при описании этих стран Исаак ибн ал-Хусейн использовал сведения о хазарах, бургасах и булгарах, восходящие к сочинению Джейхани, но взятые уже через второй, промежуточный источник. В результате первоначальная информация («темы», посвященные конкретным народам) оказалась в сочинении Исаака ибн ал-Хусейна перепутанной: например, к хазарам попал целый ряд «тем», относящихся к бургасам, булгарам, и т. д.¹⁸ Можно ли доверять этому разделу источника?

Далее мой оппонент для доказательства тюркоязычности бургасов вновь ссылается на «Худуд ал-Алем» и вновь допускает вольный перевод текста. Он «цитирует»: «Они по своим обычаям близки гузам», а в источнике сказано: «They are a people professing the creed of the Ghuz» — «Они — народ, исповедующий веру гузов»¹⁹. Тема о вероисповедании постоянно затрагивается при описании бургасов авторами «Каспийского свода» (Ибн Русте, Гардизи, Бакри). Но здесь опять возникает вопрос: в какой степени комплекс религиозных воззрений может являться критерием для определения этнической принадлежности народа? Да и существовала ли в VIII—X вв. у тюркоязычных народов Евразии единая система религиозных обрядов, которая позволяла современникам отличать их от других народов? Если судить по разнообразию погребальных памятников, связываемых с тюркскими племенами на обширных пространствах этого региона, то такой обрядовой системы не было²⁰. Поэтому доказывать тюркоязычность бургасов на основании упоминаний о сходстве их веры с верой гузов вряд ли правомерно.

Особое внимание следует уделить вопросу о соответствии культуры бургасов по восточным географическим сочинениям лесостепному варианту СМК. А. Х. Халиков безусловно прав, утверждая, что отождествление известного по письменным источникам народа с носителями определенной археологической культуры требует обязательного соответствия данных письменных источников с основными археологическими характеристиками. Исследователь не видит в предложенной мной гипотезе такого соответствия, напротив, находит ряд несоответствий. Прежде чем перейти к разбору последних, хотелось бы остановиться на двух моментах. Во-первых, о локализации лесостепного варианта СМК. Ни один из исследователей этой культуры (М. И. Артамонов, Н. Я. Мерперт, И. И. Ляпушкин, С. А. Претнева, Д. Т. Березовец, Б. А. Шрамко, В. К. Михеев и др.) никогда не помещали ее лесостепной вариант в верхнем течении р. Сухой Донец, как считает А. Х. Халиков. Характерные памятники лесостепного варианта расположены в долине Северского Донца. Термин Верхнее Подонье (а точнее

¹⁵ Заходер Б. Н. Указ. раб., с. 240.

¹⁶ Васильев Б. А. Проблема бургасов и мордва. — В кн.: Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960, с. 181, 182.

¹⁷ Codazzi A. Il compendio geographico arabo di Ishāq ibn al-Husayn. — Reale Accademia Nazionale dei Lincei. Ser. 6, v. 5, fasc. 11—12. Roma, 1929, p. 373—463.

¹⁸ Minorsky V. The Khazars and the Turks in Ākām al-Marjān. — In: The Turks, Iran and Caucasus in the Middle Ages. L., 1978.

¹⁹ Minorsky V. Hudūd al-'Ālam, p. 162.

²⁰ Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981, с. 10—62, 77—83.

Придонье) имеет конкретное географическое значение: это бассейн Дона от его истоков до устья р. Воронеж²¹. В Верхнем Придонье нет памятников СМК, здесь отмечены памятники боршевской культуры. Поселения же лесостепного варианта СМК распространены южнее, в Среднем Придонье — между Тихой Сосной и Черной Калитвой. Вторых, должен оговорить мое понимание термина *буртас*. Название буртасов, как и многих других общностей того времени, на мой взгляд, несло две смысловые нагрузки. Оно обозначало и аланскую этническую общность в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья, и метаэтническую общность, которую представляют носители лесостепного варианта СМК в целом и в которой аланский компонент, как известно, превалировал, на что я уже обращал внимание²².

По мнению А. Х. Халикова, одним из существенных противоречий в моих взглядах на буртасскую проблему является якобы несоответствие погребального обряда буртасов в письменных источниках и археологических материалах. Свой тезис мой оппонент пытается подкрепить цитатой из последней, обобщающей салтовский материал, работы С. А. Плетневой. Однако эта цитата, вырванная из общего контекста, создает впечатление, что на территории распространения лесостепного варианта СМК существовал исключительно катакомбный обряд захоронения, что трупосожжений там нет, а следовательно, налицо противоречие. Действительное положение вещей совсем иное. С. А. Плетнева подробно описывает не только катакомбный обряд захоронений, но и погребения в грунтовых ямах (Нетайловский и Волоконовский могильники) и трупосожжения (могильники Сухая Гомольна, Новая Покровка) — все они находятся в пределах лесостепного варианта СМК²³. В настоящее время в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья известно уже шесть могильников с трупосожжениями, относящимися к СМК²⁴. Наличие же катакомбных могильников является определяющим признаком для дифференциации лесостепного (аланского) и степного (болгарского) вариантов СМК. Итак, сообщения восточных географов, что одни буртасы сжигают покойников, а другие их хоронят, полностью соответствуют имеющемуся археологическому материалу.

Нельзя согласиться с утверждением А. Х. Халикова, что воины — «катакомбники» СМК в основном вооружены саблями, которых, по письменным источникам, не было у буртасов. В катакомбных погребениях сабли встречаются исключительно в очень богатых захоронениях, в то время как рядовые воины были вооружены топорами, что было наглядно показано Н. Я. Мерпертом и подтвердилось другими археологами, исследовавшими ряд катакомбных могильников²⁵. Только рядом с богатыми могилами находят сопутствующие захоронения лошадей, что полностью соответствует письменным источникам: «...лошадь имеют не все, а только очень богатые».

Как полагает А. Х. Халиков, лесистый характер страны буртасов не вяжется с находками виноградных ножей в салтово-маяцких древностях. При этом, ссылаясь на С. А. Плетневу, он пишет о характерности для населения районов лесостепного варианта СМК культуры виноградников; там якобы и сейчас находятся крупнейшие виноградники нашей страны. Опять неточность в использовании первоисточника и путаница в представлениях о географии района! На территории лесостепного варианта СМК (Воронежская, Белгородская и северная часть Харьковской области) никогда не было виноградников — ни в древности, ни в настоящее время. С. А. Плетнева пишет о находке виноградного ножа в низовьях Дона (!), на Правобережном Цимлянском городище, о виноградниках Крымского и Таманского полуостровов, удаленных от рассматриваемого региона на 400—500 км, т. е. речь идет о степном, приазовском и крымском вариантах СМК, а не о лесостепном²⁶.

²¹ Долина Дона: природа и ландшафты. Воронеж, 1982.

²² Афанасьев Г. Е. Указ. раб., с. 28.

²³ Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура. — В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981, с. 70—72.

²⁴ Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольна. — Сов. археология, 1982, № 2, рис. 7; Шрамко Б. А. Погребения VIII—X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области. — В кн.: Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983, с. 48—50.

²⁵ См. Мерперт Н. Я. Верхнее Салтово: Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1949 (хранится в архиве Ин-та археологии АН СССР, Р-2, № 84); см. также: Плетнева С. А. Отчеты о раскопках Дмитриевского катакомбного могильника (хранятся там же, Р-1, № 2065, 2242, 2471, 2989); Афанасьев Г. Е. Отчеты о раскопках Ютановского катакомбного могильника (там же, Р-1, № 7205, 7994, 9043); Николаенко А. Г. Отчеты о раскопках Нижнелубянского катакомбного могильника (там же, Р-1, № 4982, 5440, 5724).

²⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 142. М.: Наука, 1967.

Наконец, о верблюдах. Недавние открытия изображений верблюдов на крепостной стене Маяцкого городища на Дону наряду с изображениями этих животных на костяном горлышке бурдюка из Подгоровского катакомбного могильника²⁷ опровергают утверждения о том, что население лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья не имело верблюдов.

Перечисляя основные направления, в рамках которых велись поиски этнической территории бургасов (финноязычное и тюркоязычное), А. Х. Халиков говорит о высказанной мной гипотезе об аланском происхождении бургасов как о совершенно новой. Это неверно. Параллельно со мной, но на другом материале над этим вопросом работают ряд исследователей. Так, известный польский востоковед Т. Левицкий предложил близкий перевод термина *бургас* — «потомки ассов», полагая что бургасы по происхождению связаны и с аланской этнической общностью²⁸. По мнению В. А. Кузнецова, термин *бургас* можно перевести с осетинского как *бур-ас* — «рыжие ассы»²⁹. Другая аланская версия перевода этого этнонима принадлежит американскому востоковеду О. Притсаку: *furt-as* — «речные ассы»³⁰. Сходных взглядов придерживается и И. Г. Добродомов. Ему удалось выявить довольно широкий аланский пласт иранских заимствований в чувашском языке. Происхождение этого пласта связано с аланами-бургасами. Исследователь полагает, что этноним *бургас* хорошо этимологизируется на иранской почве как сочетание известного иранского этнонима *ас* (*алан*, *яс* и т. д.) с названием большой реки, сохранившимся в осетинском языке (иронское — *фурд*, дигорское — *форд*)³¹. Далее И. Г. Добродомов ставит вопрос о том, что на мишарское цоканье оказал влияние алано-бургасский субстрат: бургасы после принятия ислама постепенно утрачивают аланский язык и переходят на тюркский³². Но это уже второй период истории народа, после середины X в. Действительно, процесс постепенной тюркизации бургасов в X в. может документироваться сообщением Хадджи Халифа о том, что часть бургасов в это время кочует с узами (торками)³³. К XI—XII вв. следует относить свидетельство Мирхонда: «У Кумана, сына Иафетова, было двое сыновей: Бургас и Булгар, которые занимались приготовлением разного мехового товара»³⁴. В этой генеалогической формуле нельзя не заметить стремление подчеркнуть кумано-половецкий политический приоритет в XI—XII вв., что делает необоснованной попытку А. Х. Халикова использовать данный источник для характеристики бургасов VIII—X вв.

Таким образом, старая система аргументов, использованная А. Х. Халиковым для доказательства изначальной тюркоязычности бургасов и их волжской локализации, мне представляется несостоятельной, а его попытки найти несоответствия в культуре бургасов и носителей лесостепного (аланского) варианта СМК — не имеющими под собой реальной источниковедческой базы.

²⁷ Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища. — В кн.: Маяцкое городище. М.: Наука, 1984, с. 78—80, рис. 14.

²⁸ Lewicki T. Ze Studiów nad źródłami Arabskimi. Część III. 1. Siedziby i pochodzenie Burtasów. — *Slavia Antiqua*, 1965, 12, p. 1—14.

²⁹ Письмо В. А. Кузнецова автору от 13 апреля 1984 г.

³⁰ Pritsak O. The Khazar Kingdoms Conversion to Judaism. — In: *Harvard Ukrainian Studies*. II. Cambr., 1978, p. 264; *idem*. The Pecenegs. A Case of Social and Economic Transformation. — In: *Studies in Medieval Eurasian History*. L., 1981, p. 23.

³¹ Добродомов И. Г. О некоторых гипотезах и созвучных словах. Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка. — Тр. НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, В. 97. Чебоксары, 1980, с. 40.

³² Добродомов И. Г. Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка. — Сов. тюркология, 1980, № 2, с. 26, 27.

³³ Сенковский О. И. Указ. раб., с. 419, 420.

³⁴ Hammer J. Sur les Origines Russes. Extraits de Manuscrits Orientaux. SPb., 1827, p. 56—59.